

Л.Н. Жукова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.001

УДК 903.223:39(=554)

Этнография одного предмета: юкагирский лук

Научная новизна. Осуществлен анализ палеоэтнографических и этнографических данных с привлечением материалов языка и фольклора об использовании лесными юкагирами (одулами) и их предками одного из главных атрибутов охотничьей культуры – луков. Систематизированы сведения о применении луков в обрядовой сфере, а также магические свойства, если предмет изготовлен женщиной. Определены сферы современной востребованности.

Цель и задачи. Исследуются промысловый, боевой, ритуальный и детский луки на примере периферийного этно-экологического локуса юкагиров Верхней Колымы. Определяется сохранность данных артефактов в материальной и духовной культуре в диапазоне раннеюкагирского времени (поздний неолит – бронзовый век) – традиционной культуры (XVII – начало XX вв.) – современности (конец XX – начало XXI вв.).

Методы исследования. Исследование проводилось в диахронном и синхронном диапазонах. Для характеристики охотничьего промыслового хозяйства коренного населения Якутии от древности до нового времени применялся комплексный междисциплинарный подход. Орудия промысла юкагиров и их предков изучены по археологическим, историческим, этнографическим, фольклорным и языковым данным, что позволило определить предполагаемый вектор адаптивных изменений луков в исследуемые хронологические периоды.

Результаты. Анализ разнообразных данных, в том числе музейных источников, показал, что юкагиры и их предки в прошлом хорошо владели искусством лучников. Луки (*эйэ*) распределялись на простые и составные, промысловые и боевые, ритуальные и детские. Простые луки из одного куска дерева были древнейшими, типичными по основному принципу изготовления для охотничьих племен Западной и Восточной Сибири. Материалы XIX – начала XX вв. свидетельствуют, что простые луки, в том числе усиленные, бытовали на севере Евразии у ваховских хантов, нганасан, энцев, юкагиров, чукчей, эвенов, якутов, в прошлом у древних жителей побережья Берингова моря. На древность простого *эйэ* у юкагиров указывает применение его моделей в магических/ритуальных обрядах и обучающих играх детей. В обрядовой практике обнаруживается не исследованная ранее значимость изготовленных женщиной лука и стрел. Традиция создания охотничьих и боевых предметов в натуральную величину и их использование юкагирами ныне утрачена.

Ключевые слова: Северо-Восток Сибири, юкагиры, типы луков, история и эволюция, охотничий промысел, обрядовая сфера

© Жукова Л.Н., 2022

И. Введение. В современном тренде арктических исследований в начале XXI в. периферийный этно-экологический локус юкагиров верхней Колымы представляет уникальный феномен пролонгации аборигенной культуры пеших оленеводов. На протяжении многих тысячелетий кочевники-собаководы Восточной Сибири вели присваивающее охотничье-рыболовное хозяйство. Появление среди археологических материалов каменных и костяных наконечников стрел однозначно указывает на пользование луками древним населением.

Луки раннего периода, которые можно было бы атрибутировать как протоюкагирские, в археологических материалах Якутии не представлены. В неолитических грунтовых захоронениях встречаются фрагменты костяных обкладок луков. Их принадлежность к протоюкагирской культуре вызывает сомнение: предполагается, что юкагиры в историческое время и ранее не практиковали грунтовый способ захоронения умерших, характерными были воздушные могилы (помосты и амбары на столбах, деревьях), наземные (в шалашах), имеются фольклорные сведения о кремации [Иохельсон, 2005а, 2005б]. Воздушные и наземные могилы ранее второй половины II тыс. н.э. и сопроводительный инвентарь в силу воздействия природных факторов не сохранились и не донесли до нас типы древних луков. Грунтовые захоронения по археологическим и палеоэтнографическим данным оставлены группами пришлого населения. Среди предметов и их фрагментов из такого нестойкого материала, как дерево, обнаруженных археологами в жилищах, на стоянках однозначно определяемые луки отсутствуют. Поскольку древние орудия рыболовства и ихтиофауна в количественном соотношении значительно уступают орудиям охоты и соответствующим костным остаткам, полагаем, что использование лука аборигенами-собаководами носило преимущественно круглогодичный характер. Накоплению научной информации по истории юкагирского лука положили начало работы В.И. Иохельсона (конец XIX – начало XX вв.), ученого и писателя одула Н.И. Спиридонова (Тэки Одулок) в 1920-х гг. [Спиридонов, 1996]. Обобщающему исследованию луков народов Северной Евразии посвящена одна из глав монографии Ю.Б. Симченко с привлечением музейных и ар-

хивных данных [Симченко, 1976]. Следует особо отметить публикацию этнографической коллекции В.И. Иохельсона, хранящейся в Американском музее естественной истории, со справочной информацией каталожного характера [Иванова-Унарова, 2017]. Предлагаемая статья на новых данных продолжает исследование генезиса юкагирского артефакта.

Специфику охотничьего хозяйства демонстрирует неолитическое наскальное искусство центральной и южной Якутии, где изображения лосей и в целом тема охоты преобладают над темой рыболовства. Выборка и анализ сюжетов с присутствием луков и лучников периода неолита – раннего железного века, опубликованных в работах А.П. Окладникова и А.И. Мазина [Окладников, Запорожская, 1970, 1972; Окладников, Мазин, 1976, 1979] вызывают интерес в свете предложенной темы исследования (рис. 1а–ж).

Рисунки выполнены красной охрой разных оттенков. Писаницы неолита – бронзового века иллюстрируют сцены охоты преимущественно на лося, примечательно, что нет сюжетов боевых стычек на луках. Здесь мы впервые обнаруживаем антропоморфные персонажи, держащие в руках луки эллипсоидных и дугообразных форм. На рис. 1а–г натянутые луки имеют эллипсоидный абрис, составляют одну группу и относятся к наиболее ранним (неолит – бронзовый век; р. Алдан, средняя Лена). Сюжет рис. 1б (бронзовый век) в ином изобразительном стиле копирует неолитический рис. 1а.

Другую группу составляют рисунки, где луки имеют вид дуги (1д–ж), здесь иная стилистика и, возможно, изображены луки более крупных размеров (неолит Забайкалья, бронзовый(?) – ранний железный век южной Якутии). По форме луков здесь возможна изобразительная и территориальная локальная традиция.

В соответствии с датировками исследователей ранний эллипсоидный абрис артефакта укладывается в пределы существования средне-неолитической белькачинской археологической культуры Якутии – бронзового века Средней Лены. В эти временные рамки включена поздне-неолитическая ымыяхтахская культура, на которую предположительно приходится время становления раннеюкагирской культуры. Следовательно, изображения эллипсоидных луков

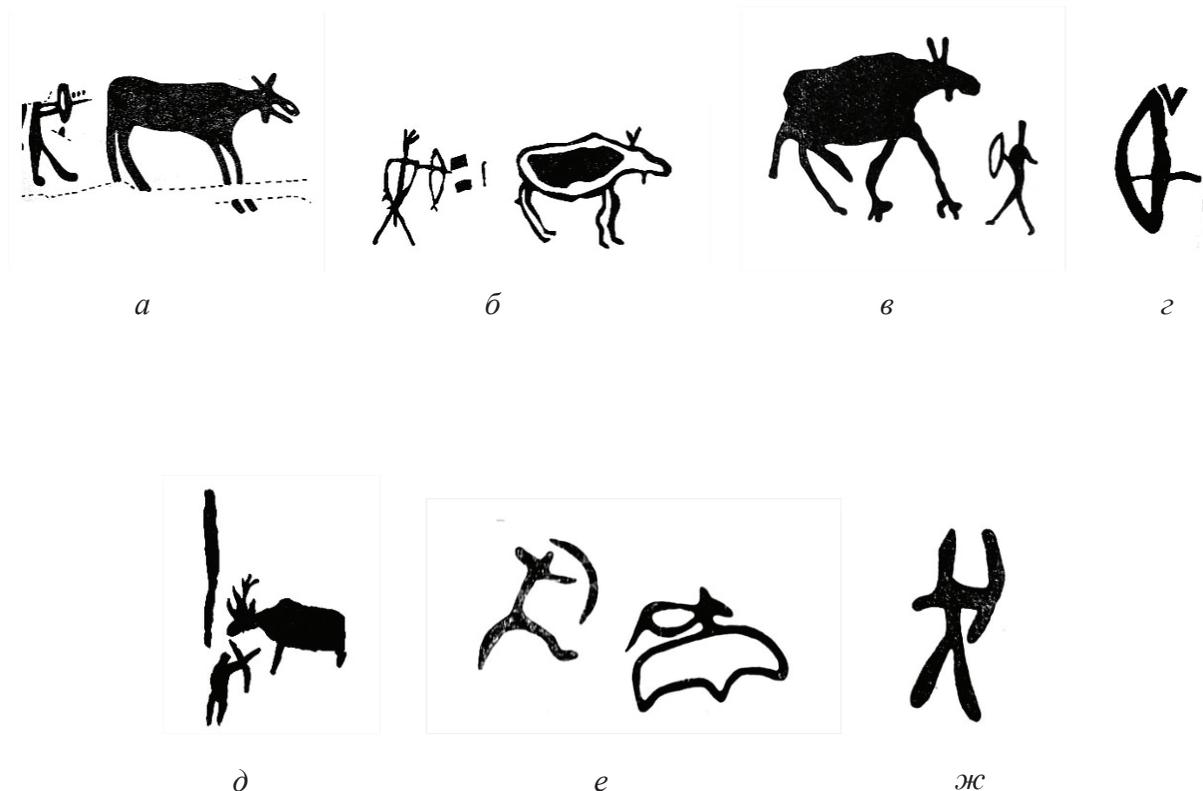

Рис. 1. Антропоморфные фигуры с луками и рисунок лука на писаницах бассейна р. Лены (а–г, е, ж) и Забайкалья (д) [Окладников, Запорожская, 1970, 1972; Окладников, Мазин, 1976, 1979]: а – профильное изображение охотника на лося с эллипсоидным луком и стрелой в руках на майской писанице в бассейне р. Алдан (фрагмент). Над стрелой нанесены три пятна. Голова антропоморфной фигуры сколота. Один из древних рисунков Якутии со сценой охоты на лося с луком, IV – III тыс. до н.э., средний неолит [Окладников, Мазин, 1979: 46, 58, табл. 54]; б – на среднеленской писанице Ой-Муран изображена сцена охоты на лося (фрагмент). Фаллическая фигура с тройной развилкой на голове держит натянутый в виде эллипса небольшой лук, стрела нацелена на лося. Перед луком вертикально нанесены два широких пятна красной краски и вертикальная полоса. Бронзовый век [Окладников, Запорожская, 1972: 39–40, табл. 61]; в – остроголовая антропоморфная фигура держит небольшой эллипсоидный лук перед лосем-самцом(?) в многофигурной композиции на р. Синей (фрагмент). Бронзовый век [Окладников, Запорожская, 1972: 44, 81, табл. 77]; г – на скале вблизи деревни Еланка имеется фигура, напоминающая лук со стрелой, неолит [Окладников, Запорожская, 1970: 58, табл. 130]; д – охотник из Забайкалья вооружен коротким луком, он направляет стрелу в лося (фрагмент), за лосем следуют три кабана, слева четыре вертикальные полосы краски – магическая охотничья изгородь, предназначенная для добычи зверей в тайге. Пятнами или счетными палочками ведется подсчет убитых животных [Окладников, Запорожская, 1970: 51–52, табл. 59]. «Рисунок этот по стилю, композиции и содержанию полностью помещается в рамках неолитического искусства сибирской тайги» [Там же: 131]. Лесная охотничья тема в петроглифах Забайкалья контрастирует с расположенными неподалеку рисунками степняков; е – сцена загонной охоты с луком на многофигурной композиции р. Нюкжа (фрагмент). Человек находится в движении, ноги расставлены, руки разведены. IV тыс. до н.э., средний неолит [Окладников, Мазин, 1976: 86, табл. 7]. По нашему мнению, рисунок «е» по стилю изображения животных (контурная прорисовка при большой схематизации фигур) и отсутствию характерной для неолита «лосиной» темы правильнее датировать бронзовым или ранним железным веком; ж – одно из двух изображений человека с луком на многофигурной Арбинской писанице (фрагмент). Конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н. э., ранний железный век [Окладников, Мазин, 1976: 74, 102, табл. 60]

могли быть оставлены представителями аборигенных юкагироязычных племен. При сопоставлении сюжетов и композиционного построения рисунков среднего неолита и бронзового века (рис. 1а, б) обнаруживается преемственность традиций на протяжении нескольких тысячелетий на локальной территории Центральной Якутии, однако различаются стилевые особенности почерка древних художников. Пока неясны причины трансформации художественных стилей от неолита к бронзовому веку (дивергентное влияние?), при этом константными остаются семантические связи антропоморфов с основным промысловым и культовым копытным животным таежной зоны.

Другой по абрису стиль в подаче лука принадлежит охотничьей группе иной южной культуры, где в неолите Забайкалья лук рисовали в виде дуги и в этой традиционной манере исполнения он появился севернее, в бронзовом – раннем железном веке южной Якутии. Соответственно наконечники стрел были изготовлены из металла. Меняются и объекты охоты: в неолите это лось, в позднем рисунке другие животные, в том числе пушной зверь (рис. 1д, е). Безусловно, представленная выборка сюжетов количественно незначительна, но уже намечается локус аборигенной петроглифической традиции и дивергентных изменений в ней, приведших в конечном итоге к упадку наскального искусства в железном веке Якутии. Мы пока не располагаем информацией о присутствии абрисов данного артефакта на писаницах северной Якутии, что могло бы показать распространенность выявленных форм или обнаружить новые. Остается невыясненным вопрос о луках аборигенного населения в период средневековья.

Теоретическая значимость. Наскальное искусство в совокупности с фольклорными и этнографическими данными, в частности тамгами юкагири в виде луков и пиктографическим письмом, в сопоставлении с типами этого оружия у соседних народов позволяют в какой-то степени реконструировать примерные этапы эволюции артефакта в локусе Северо-Востока Якутии.

Практическая значимость. Работа демонстрирует генезис одного из артефактов аборигенной охотничьей культуры, способствует целостному представлению истории народов многонациональной Якутии и перспектив включе-

ния потомков пеших nomadов Восточной Сибири в современный тренд арктических исследований и освоений.

II. Материалы и методы. Исследование луков как одного из главных атрибутов промыслового хозяйства коренного населения Якутии осуществлялось по опубликованным литературным данным, музейным коллекциям и материалам автора. В теоретическом и методологическом планах работа опирается на труды В.И. Иохельсона [2005а, б], А.П. Окладникова [1955, в соавт.: 1970, 1972, 1976, 1979], Ю.Б. Симченко [1976], З.И. Ивановой-Унаровой [2017]. По теме исследования приводятся выборки из словарных статей [Данилова, 2004; Иохельсон, 2005б; Курилов, 2001; Николаева, Шалугин, 2002; Спиридонов (Тэки Одулок), 2003]. Получены фото современных детских луков из музея юкагирской средней школы им. Тэки Одулока в с. Нелемное Верхнеколымского улуса РС (Я). Основные методы работы: сравнительно-сопоставительный, типологический, историко-системный, ретроспективный и структурный анализы. Междисциплинарный комплексный подход аккумулировал разнообразные сведения из многих источников, вплоть до пролонгации и функционирования артефакта в современных условиях. Ретроспективный метод и предпринятый экскурс в историческое прошлое позволили высказаться относительно многофункциональности древнейшего простого лука, в том числе его макетов.

III. Результаты. По историко-этнографическим данным конца XIX – начала XX вв. промысловая жизнь одулов (лесных юкагири Верхней Колымы) разделялась на два сезона: летом преимущественно рыболовство, зимой – охота на копытных. Этот промысловый цикл был экстраполирован на представления о «занятиях» теней-душ умерших в мире предков. Поэтому в летнее воздушное захоронение с умершим клали рыболовные принадлежности, в зимнее – лыжи с посохом, «импровизированный лук со стрелами», посуду, чучело собаки [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996: 51]. «Импровизированный лук» означает специально изготовленный для похоронного обряда макет. Надо полагать, годовой хозяйственный цикл юкагири тайги с чередованием периодов преимущественного рыбо-

ловства и охотпромысла не имеет древних корней, он сложился в условиях сокращения промысловых угодий, когда сезонно стали вычерпывать биологические ресурсы кочевой площади. Первоначально пользование луком и другими орудиями охоты было круглогодичным.

Наиболее полные сведения о юкагирских луках конца XIX – начала XX вв. имеются в работах В.И. Иохельсона [Иохельсон, 2005б: 555–556]. Верхнеколымские юкагиры имели луки двух типов: простой *эйэ*, в том числе усиленный, и составной *оуйэд-эйэ*. Детский *уорпэд-эйэ* для обучения мальчиков стрельбе делали по типу простых луков. Простой, не усиленный *эйэ* изготавливали из одного куска дерева (рис. 2а) [Симченко, 1976: 122, рис. 11], размеры не указаны. Центральная часть кибити заужена, в профилировке ее с внутренней стороны имеется утолщение. Концы имеют т-образную форму. Простые уменьшенные луки входят в конструкцию самострела *пукэлэд-эйэ* [Иванова-Унарова,

2017: 721, рис. 164] и капкана на мелких зверей. На рис. 2б представлена современная модель простого лука без тетивы, расстояние между концами 70 см (сборы автора статьи, передана в ЯГОМИиКНС РС(Я) [Жукова, 2011]).

Процесс изготовления составного *оуйэд-эйэ* описал В.И. Иохельсон. Он сделан из двух слоев: внешний – из лиственницы, внутренний – из березы, между ними прокладки из тонко разбитых сухожилий оленя и бересты/кожи (рис. 2в) [Иохельсон, 2005б: 555–556]. На средней части кибити для прочности захвата имелось небольшое сужение и утолщение. Тетиву *мараи* делали из скрученной кожи оленя или молодого лося, закрепляли на концах лука с помощью костяных ушков из оленьего рога или кости мамонта (рис. 2г). На концах ушков вырезали желобок для тетивы. Длина тетивы на рис. 2в равна 161 см. Конструкции концов луков и способы крепления тетивы у простого и составного луков разные.

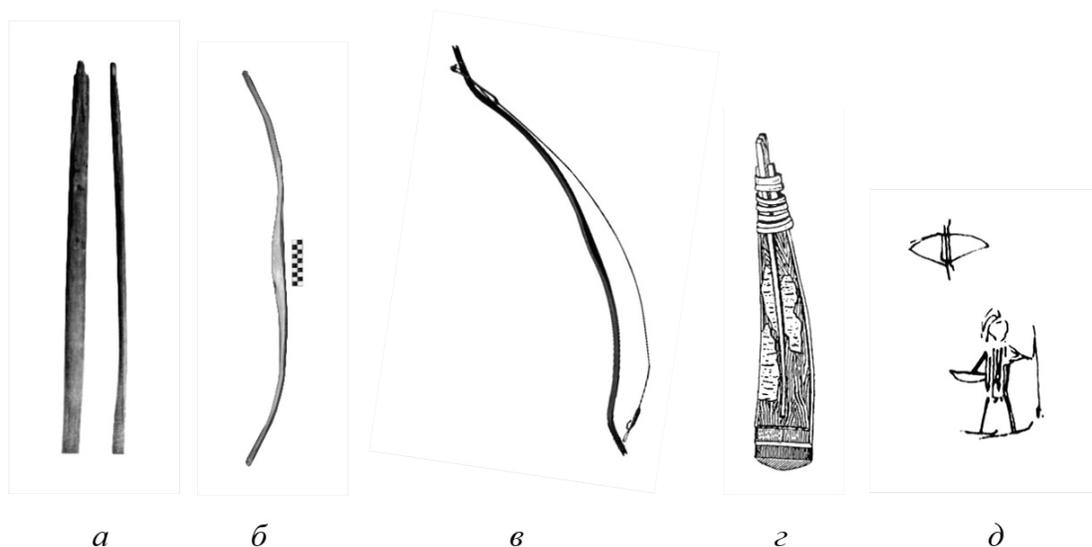

Рис. 2. а – простой юкагирский лук [Симченко, 1976]; б – макет простого *эйэ*. Мастер М.М. Лихачев [Жукова, 2011]; в – составной лук юкагиров из коллекции В.И. Иохельсона [Иванова-Унарова, 2017]; г – вставные ушки из кости с обмоткой [Иохельсон, 2005б]; д – охотник на лыжах с луком в одной руке и стрелой(?) в другой, вверху капкан на мелких зверей. Фрагмент пиктографического письма [Там же]

Луками лесные юкагиры пользовались на войне и на охоте. «В прежние времена молодые люди имели два лука, один для войны, другой для охоты. Первый был легким и маленьким... Тетиву лука воины натягивали слабо для того, чтобы можно было быстро и без большого на-

пряжения выстрелить. Охотничий лук должен быть более упругим и тугим для увеличения расстояния и скорости полета стрелы» [Иохельсон, 2005б: 556–557]. С присоединением к Российскому государству войны между враждовавшими северными народами прекратились, и лук

стал только охотничьим оружием. С распространением огнестрельного оружия (юкагиры называют ружье *кукул-эйэ* «лук дьявола») потребность в луках сократилась. Только в случае поломки ружья, а также при отсутствии пороха или дробы одулы прибегали к луку.

Верхнеколымский юкагир, писатель и ученый Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) дал краткую характеристику охотничьего хозяйства одулов в начале XX в. (до 1930 г.), он писал, что для верхней Колымы характерна исключительно пешая охота с собакой. Объекты и средства охоты он разделил по сезонам в зависимости от природных зон (тундра и тайга). По его данным, верхнеколымские юкагиры только осенью прибегали к древнему охотничьему оружию – лукам. Осенью (конец августа – начало ноября) охотились на лося, оленя, медведя, зайца, белку, лисицу, горностая и боровых птиц с применением следующих средств охоты: «ружье, берданка и кремневка, петля и самострел, пасть (пад[ающая] ловушка), лук со стрелами, черкан (капкан на мелких зверей. – Л. Ж.) и силки» [Спиридонов, 1996: 30]. То есть еще в 1920-х гг. одулы эпизодически пользовались луками и стрелами. В одульских мужских промысловых письмах на бересте в сценах охот-промысла мужчины вооружены огнестрельным оружием, лишь в одном из писем промысловик на лыжах держит в руке лук (рис. 2д) [Иохельсон, 2005б: 613, рис. 69е]. В другой руке сжимает не стрелу, как полагал В.И. Иохельсон, а лыжный посох. В противном случае величина стрелы несоизмерима луку, кроме того, посох является обязательным атрибутом лыжника. Прочерченный на бересте небольшой эллипсовидный лук по абрису приближается к первому выявленному типу (см. рис. 1а–г).

Исследователь охотничьей культуры народов Северной Евразии Ю.Б. Симченко в 1976 г. писал о том, что две фундаментальные работы Б.Ф. Адлера по истории луков народов Северной Азии опубликованы в Германии в начале XX в. (1901, 1902 гг.). В частности, Б.Ф. Адлер отмечал южное происхождение сибирских луков, что обуславливалось передвижением «северосибирских инородцев» с юга на север. Он же высказал интересное замечание в отношении того, что луки народов Сибири постоянно изменялись. А после присоединения к России «лук перестал быть военным оружием, он стал менее

совершенным и более приспособленным к охоте, чем к войне» [Симченко, 1976: 108]. Кроме юкагиров, простой лук бытовал на севере Евразии у ваховских хантов, нганасан, энцев, чукчей, у древних жителей побережья Берингова моря. Ю.Б. Симченко привел схемы простых одного нганасанского и двух энецких луков [Там же: 122, рис. 11]. Исследователь полагал, что на основе простых луков у народов северной Евразии появились усиленные, возникшие под влиянием южных соседей [Там же: 123].

Простые, в том числе усиленные луки с дополнительными накладками и обмотками из тонких полосок бересты и кожи, известны в инструментарии относительно молодых народов, сложившихся в Восточной Сибири во II тыс. н.э. – эвенов и якутов (саха). В эвенской коллекции В.Г. Богораза, собранной в с. Марково в конце XIX – начале XX вв. на западе Чукотки (р. Анадырь), имеются шесть луков простого типа (охотничьи и детские), датированные XVIII – XIX вв. Длина кибити луков разная: у охотничьих – 1) 177,1 см; 2) 148,5 см; 3) 145 см [Иванова-Унарова, 2017: 588, рис. 358–360]; детские луки предназначены для охоты на птиц – 4) 101,1 см; 5) 117,5 см.; 6) 62,4 см [Там же: 597, рис. 384–386]. По длине кибити охотничьи луки варьируют от 145 см до 177,1 см, детские – от 62,4 см до 117,5 см. Эвены как этническая общность сформировались на территории Восточной Сибири в относительно позднее время, в своем этнокультурном составе они имеют юкагирские аборигенные и пришлые тунгусские компоненты. Полагаем, к аборигенному компоненту относятся простые луки анадырских эвенов, находившихся в близком соседстве и родстве с юкагирскими племенами.

Аборигенный компонент вошел в состав сложившегося в Центральной Якутии народа саха (якутов), в результате в охотничьем инвентаре саха появились простые луки «северного» типа. Длина кибити якутского лука северного усиленного типа 173 см (XVIII–XIX вв., сборы В.И. Иохельсона) [Там же: 248, рис. 323]. Простой лук лежит в основе конструкции якутского охотничьего лука-самострела *айа* (длина кибити 104 см) [Там же: 249, рис. 325]. Возможно, из юкагирского языка в якутский вошло название лука-самострела от юк. *эйэ* «лук»,

айа «веселиться, развлекаться» [Иохельсон, 2005б: 449, 469].

Длина кибити усиленных простых луков эвенков и якутов из сборов В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона (коллекция Американского музея естественной истории, США) находится в пределах 145–177,1 см. Несомненно, величина луков должна была соразмеряться с ростом владельцев. В связи с этим интересны антропометрические замеры лесных юкагиров. «Юкагиры являются самым низкорослым народом Северо-Восточной Сибири... средний рост мужчины составляет 1560 мм, женщин – 1470 мм» [Там же: 59]. Трудно представить, чтобы в условиях снежной таежной зимы пеший юкагир промысловик или воин имел лук, превосходивший его своей высотой. Такой большой юкагирский лук, состоящий из двух слоев дерева, приведен в книге В.И. Иохельсона: длина тетивы – 161 см, лука – 164 см (см. рис. 2е). В каталоге, составленном З.И. Ивановой-Унаровой, у этого лука (инв. № 70/8457) уточнены величины, равные соответственно 154 см и 157 см [Иванова-Унарова, 2017: 721, рис. 163].

По В.И. Иохельсону, юкагиры имели один лук для войны, другой для охоты. Первый был легким и маленьким, в музейных коллекциях он не сохранился. Можно полагать, о них косвенно сообщают приведенные выше на скальные рисунки периодов неолита – бронзового века Центральной Якутии, небольшие и эллипсоидные по абрису (см. рис. 1а–г). Однако сюжеты рисунков не касаются военной темы. Боевым луком, вероятно, вооружен мужчина в пиктографическом письме (см. рис. 2д). Все другие рисунки этого письма посвящены теме зимней охоты и рыбалки. Фигура лучника стоит особняком крупным планом и символизирует покой и охрану родовых промысловых угодий. Такое прочтение фигуры лучника тем более вероятно, что на других письмах мужчины изображены вооруженными огнестрельным оружием.

Предназначен для промысловой охоты крупный по величине лук одулов, упругий и тугой. Следует полагать, что юкагирские промысловые луки XVIII – начала XX вв. преимущественно были крупными усиленными или составными. Составные луки юкагиров находят аналоги в другом круге сибирских культур: «К востоку от Енисея, вплоть до Чукотки, был распростра-

нен лук единой конструкции, отличный от западносибирского. Этот лук бытовал у эвенков, эвенов, якутов и лесных юкагиров. Основа его состояла из двух частей, как у западносибирского, но концы вклеивались иначе» [Симченко, 1976: 116]. Примечательно присутствие восточносибирских луков в арсенале разных по происхождению народов: уралоязычных юкагиров, тунгусоязычных эвенков и эвенов, тюркоязычных якутов. «Появление сложных луков в Северной Евразии следует, по всей вероятности, связывать с широтными перемещениями самодийцев или кетов в Западной Сибири и тунгусоязычных народов в Восточной Сибири в сравнительно позднее время, чем и объясняется существование двух основных типов луков лесной полосы» [Там же: 135]. Луки сложной конструкции нганасанам и энцам поставляли енисейские ненцы или кеты [Там же: 108].

Предположение о тунгусском происхождении составных луков Восточной Сибири, имеющих конструктивное сходство с западносибирскими, нуждается в уточнении. Косвенно о проникновении иного типа луков сообщает на скальное искусство Якутии (рассмотренный второй тип), луки предположительно более крупных размеров (усиленные простые или составные) и соответственно рослые представители пришлых из Забайкалья племен. Время их проникновения определяется бронзовым – ранним железным веком, скорее всего, это были нетунгусские группы пеших охотников. Говорить о влиянии луков южного хуннского типа не позволяет дугообразный абрис.

Ю.Б. Симченко исследовал составные луки юкагироязычных чуванцев западной Чукотки: оформления концов луков и другие детали имеют сходства с чукотскими (рис. 3а, б). Автор относит их к переходному типу между восточносибирскими и чукотскими луками [Там же: 116, 119].

Тамги двух территориальных групп колымских юкагиров запечатлены в документах XVII в. еще до окончательного замирения северных народов (рис. 3в, г) [Там же: 130–131]. Не беремся судить, имеются ли сходства с древними эллипсоидными, ясно только, что они являются промежуточным звеном между писаницами и пиктограммой с лучником. Тамги отличаются от эвенкийских и эвенских: «в них не

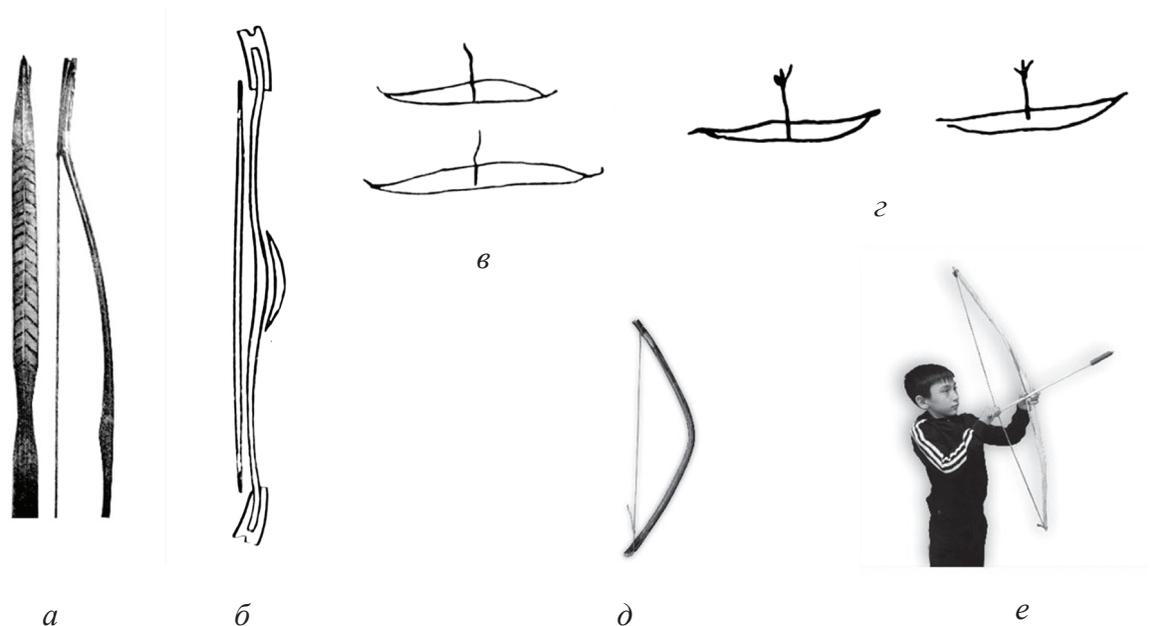

Рис. 3. а, б – составной лук юкагиров-чуванцев [Симченко, 1976]; в – тамги в виде луков нижнеколымских и з – среднеколымских юкагиров. XVII в. [Там же]; д, е – детские луки из экспозиции школьного музея с. Нелемное

выделены концы, тетива и основа соединены на торцах... При сравнении юкагирских знаков с тамгами того же типа их соседей обнаруживается своеобразие графических приемов первых. На рисунках не акцентируется такая конструктивная особенность, как отогнутые по отношению к кибити концы. Точка соединения тетивы и основы изображается или на самих торцах, или близко к ним» [Там же]. Ю.Б. Симченко считает, что народы Севера так прорисовывали простые луки. Примечательно, что на собранных у народов Сибири и Европейской части России тамгах имеются кибити, тетива луков и обычно стрела, знаки в виде дуг отсутствуют.

Устное народное творчество одулов сообщает, что луки были обычным вооружением мужчин охотников-промысловиков и воинов. Фольклор часто повествует о сражениях юкагиров на луках с враждебными народами (эвены, коряки), редки сюжеты о нападении на представителей царской администрации, якутских князцов. Если мужчина вышел на промысел или сражение, то говорится только, что он надел колчан для стрел. Луки имели шаманы, и они, как воины, боролись с помощью луков с враждебными народами или другими шаманами наряду с использованием иных специфических и магических приемов. Очень редко сообщается о де-

вухе с луком, вышедшей из дома для добычи лося, причиной служило отсутствие мужчины-кормильца. Это свидетельствует об обучении девочек стрельбе из лука. Вооружены луками сказочные персонажи: Мифический Старик-людоед; стреляют друг в друга рыбы и птицы, в результате получают отметины на всю жизнь (этиологический текст) [Иохельсон, 2005а, № 13, 29, 36, 52, 57, 62–67; Иохельсон, 2005б: 339–342, 355–356, 360–363; Жукова и др., 1989, ч. 1, № 10, 21, ч. 2, № 37]. В записях конца XX в. упоминается о луках реже, чем в материалах В.И. Иохельсона. Замечено, что в фольклорных текстах, записанных на протяжении более ста лет (конец XIX – начало XXI вв.), луки как вооружение мужчин в контексте сражений преобладают над применением их в промысловых целях, в текстах не встречаем даже намек о разделении на два типа.

Одульский детский *уорпэд-эйэ* «лук для обучения мальчиков стрельбе» (рис. 3д, е) делали по типу простого *эйэ* отец, родственники или, как сейчас, заказывают одному мастеру. Лук на рис. 3д сделан А.Е. Солнцевым, длина тетивы 32 см, на рис. 3е лук изготовлен В.Г. Шалугиным-Слепцовым, тетива 96 см. Юкагирские мальчики на занятиях школьного спортивного клуба «Кичил» тренируются в точности стрель-

бы из луков по мишеням, в том числе по шкуре лося/оленя, макетам уток (Сообщение А.Н. Мироновой, 1979 г.р., с. Нелемное, 2021 г.). У детей юкагиров тундры игра с луком (стрельба в цель) называется *нондайiwэлэк йуорал* [Данилова, 2004: 74].

Приведем некоторые словарные материалы лесных (Л) и тундровых (Т) юкагиров, касающиеся лука и его составных частей. Цифрами обозначены следующие источники: (1) – [Данилова, 2004]; (2) – [Иохельсон, 2005б]; (3) – [Курилов, 2001]; (4) – [Николаева, Шалугин, 2002]; (5) – [Спиридонов (Тэки Одулок), 2003].

Лук (Л) – *эйэ* (2; 4; 5); *айи* (2: указан только в рус. переводе, также «стрелять, вести огонь», ср.: *айа* – веселиться, развлекаться)

Лук (Т) – *аандамиэ* (1); *ари* (2)

Кибити (Л) – *эйэн-шаал* (2: «дерево лука»); *ejen-tigam* (5: «лука рука»), (ср. 4: *нугэн* «рука»)

Внешний слой лука из листовенничной крени (Л) – *эйэд-аалэ* (2)

Рога с ушками (Л) – *эйэ-мараи-морэйэ* (2)

Кожаные браслеты для защиты руки (Л) – *эйэ-марайэ-эйунуйэ* (2: «получатель тетивы лука») и *нугон-тобуль* (2: «покрытие руки»)

Самострел (Л) – *эйэ пухиль* (1: ошибочно указан как простой «лук (оружие)»); *пукэлэд-эйэ* (2: возможно от *пукэльэ* «снег»); *raqil-dieje* (5)

Самострел (Т) – *йанил* (1)

Особое приспособление (на самостреляющем луке), посредством которого придерживается сильно натянутая тетива самострела до выстрела (Л) – *circhugu suje* (5)

Стрела (Л) – *йоготиш мухил* (1); *йо5отиш* (2; 4)

Стрела (Т) – *чауур* (1)

Колчан (Л) – *йо5готишд абут* (1; 2; 4)

Колчан (Т) – *чаундауур* (1); *чоуд-авур* (2)

Тетива (Л) – *эйэ-мараи* (1; 2; 5); *марай* (4)

Натянуть (тетиву) (Л) – *ачи* (2); *аасшим* (4)

Шкура с шеи животного (Т) – *ньамиин сава* (3). Тетиву изготовляли из шкуры с шеи дикого оленя, сняв шерсть.

Название лука «колымских юкагиров», по-видимому, лесных, приводится Ю.Б. Симченко как *eje-deje* [Симченко, 1976: 135].

Лексика лесных и тундровых юкагиров по теме исследования имеет различия, что укладывается в общее различие языков/диалектов двух родственных территориальных групп. Ю.Б. Симченко выявил сходство в названиях

луков северных уральцев (энцы, нганасаны, манси, юкагиры), известное подобие, считает автор, «может служить лишним подтверждением существования в прошлом в Заполярье единого в общих чертах простого лука и позднего появления сложного лука двух типов в лесной полосе» [Там же].

IV. Обсуждение. Луки прошлых эпох кроме утилитарного назначения имели еще и иное применение. Существовали ритуальные обряды, в которых одулы использовали луки или их макеты, всего известно четыре.

1. Луки применяли в похоронной обрядности. В.И. Иохельсон в конце XIX в. осмотрел воздушные могилы юкагиров, в том числе оставленные до прихода русских в XVII в. В них отмечено присутствие полуистлевших предварительно сломанных луков [Иохельсон, 2005б: 312–314]. Обычно ломали натуральные предметы из сопроводительного инвентаря, вместе с тем уже приводилась ссылка на Н.И. Спиридонова (Тэки Одулок), писавшего об «импровизированных» луках в зимних захоронениях, то есть о моделях-заместителях. К примеру, в мужские захоронения нганасан и энцев клали луки простые и сложные, натуральные и модели, причем последние в натуральную величину, специально сделанные для покойника [Симченко, 1976: 116].

2. Одульский фольклор сообщает об изготовлении женщиной лука и стрелы с магическими целями. Утром отец и мать обнаруживают, что взрослый сын ушел из дому. Прождав до вечера, отец намерен отыскать сына и передать важное сообщение, касающееся его семейной жизни. Мужчина попросил свою супругу подать дорожную одежду и лук со стрелой. Женщина изготовила и подала мужу лук («лиственничную ветку, натянув, дала») и стрелу («талину, приготовивши, дала»). Муж «до большой безлесой поляны дошел. Упомянутую свою стрелу вверх бросил. Сказал: «С концом-невидимкой деревом сделайся». На то дерево поднялся. До верхушки дошел, потом смотрит: сын его немножко (с трудом) виднеется. Потом закричал...» [Иохельсон, 2005а, № 5]. Сын услышал, получил нужную информацию и поступил так, как велел отец.

В сказочном тексте волшебное «дерево с концом-невидимкой», возникшее из стрелы, ру-

котворно, его появление обусловлено магией предметов, созданных женщиной. В данном случае изготовление лука и стрелы не мотивировано промысловыми целями. Обозначим следующие звенья ритуала:

- обращение мужчины с просьбой к жене;
- женщина из ветки лиственницы делает лук, из тальника – стрелу;
- передает изготовленные предметы мужчине.

Не сообщается, были ли произнесены женщиной какие-либо слова заклинаний, что весьма вероятно. Затем ритуальные действия совершает мужчина:

- избирает соответствующее место – большую безлесую поляну;
- с заклинанием «с концом-невидимкой деревом сделайся» бросает стрелу вверх (стреляет из лука);
- превращение стрелы в волшебное дерево;
- поднимается «до верхушки» этого дерева;
- появляется возможность через время и расстояние (один день пешего пути) увидеть сына, сообщить информацию и быть услышанным им.

В устранении семейного конфликта помощь сыну оказывают мать и отец. Женская тема в сказочном тексте выделена особо: 1) магические свойства приобретают сделанные женщиной лук и стрелы; 2) помощь оказывает родовое поколение женщин, воплощенное, полагаем, в образе «дерева с концом-невидимкой». Это юкагирский вариант известного мифопоэтического образа Мирового Древа. Определение «с концом-невидимкой» указывает на неограниченную высоту родового дерева и устремленность к небу. Изготовление и применение волшебных предметов рассматриваются как способ ритуального обращения за помощью к предкам по женской линии. Ритуал совершают родители с целью заботы о семейном благополучии сына и продолжении рода, отец юноши является инициатором и исполнителем обряда.

Сказка демонстрирует семантическую значимость предметов, изготовленных женщиной с обрядовыми целями. Лук и стрела, по-видимому, не имели каких-либо символических знаков, украшений или раскраски, это были модели традиционных предметов, их изготовление также не сопровождалось особой обрядностью. В фольклоре юкагиров и других народов севера особой силой обладают вещи, принадлежащие,

сделанные или поданные женщиной [Жукова, 2012: 207–209]. Так, у приамурских дауров, имевших этнокультурные связи с эвенками-орочонам и монголам, герой сказки Апкати Мэргэн жил в лесу с матерью. В пять-шесть лет «взяв лук и стрелы, сделанные матерью, не боясь волка и барса, отправлялся на охоту на птиц и возвращался домой, настреляв полный подол жаворонков». В десять лет уже стрелял «в летящих в небе гусей и бегущих по земле зайцев» [Цыбе-нов, 2021: 152].

3. Промысловая магия в начале XXI в. сохраняется в культурной памяти одулов и свидетельствует о преемственности неолитических традиций. Раннему приобщению мальчиков к традициям предков служит стрельба из лука по вырезанным из бересты или жести мишеням в виде лося, по шкуре животного. Мишень имеет прямое отношение к промысловой магии взрослых охотников. Охотники в случае крайней необходимости (долгое отсутствие добычи) перед промыслом изготавливали плоскостной макет животного и стреляли в него для добывания охотничьей удачи [Жукова, 2008]. Для таких магических обрядов лук и стрелы выстругивали в виде моделей. Не исключено, что подобным обрядовым целям в прошлом служили отдельные изображения лосей на писаных скалах, а промысловик мог воспользоваться натуральным охотничьим инвентарем.

Среди рисунков на скалах встречаются числовые серии животных, например, 9 однотипных фигур лосей на писанице Булгуньяхта [Окладников, Запорожская, 1972, табл. 164, рис. 1] или 14 пушных зверьков в «картинной галерее» р. Токко [Окладников, Мазин, 1976, табл. 35, рис. 1–12, 14, 16]. Предполагается, что числовые серии отражают магические обряды испрашивания охотничьей удачи, фиксации добычи и благодарения. Около скал с изображениями лосей и других промысловых животных обычны жертвенники с дарами многих поколений промысловиков. «Остяки (ханты), – цитирует Ф. Белявского А.П. Окладников, – оказывают почтение горам и деревьям... ни один остяк не проедет мимо без того, чтобы не выстрелить сперва из лука в то место, где находится святыня, чем и оказывается благопочтение» [Окладников, Запорожская, 1972: 80]. У аборигенов Якутии кроме непосредственного принесения жертвенных подарков, ве-

роятно, существовала ритуальная стрельба из луков в фигуры на скалах.

Магические обряды привлечения охотничьей удачи с использованием натуральных луков или их моделей известны сибирской этнографии. А.П. Окладников со ссылкой на ряд исследований приводит описание многоактных обрядов *шингэлавун* у эвенков, где присутствовали только мужчины и шаман [Окладников, 1955: 105–107] и обряд проводов богини Айыысыт у якутов, исполняемый женщинами [Там же: 46–47]. В завершении действия эвенки изготавливают макеты промысловых животных и птиц и стреляют в них из луков. Отдельные сцены обряда *шингэлавун* А.П. Окладников охарактеризовал как «чисто магический обряд, сохраняющий отчетливые следы палеолитической религии», а в якутском культе богини Айыысыт «сохранились такие черты, которые могут быть поняты только в том случае, если уйти далеко вглубь времен». Обряд проводов богини Айыысыт совершают на третий день после благополучных родов роженицы. Во втором акте взрослая женщина разводит огонь в жилище, в этот момент одна из присутствующих девушек или мальчик «выпускает из небольшого лука стрелу в изображение лося или оленя». Интересно, что в канву магического послеродового действия включен охотничий обряд, в котором мишенями являются традиционные промысловые копытные тайги и тундры. Это яркий пример адаптации пришлых степных предков якутов к этнокультурному окружению и фауне Восточной Сибири.

К стартовому этапу рассматриваемых обрядов относятся вышеприведенные наскальные рисунки р. Алдан и Средней Лены. На рис. 1а–в у животных нет рогов, обычно так изображали самок [Окладников, Запорожская, 1972, табл. 139]. Выяснено, что рис. 1а и б различаются хронологически, стилями изображения людей и животных, но объединены общим идейно-композиционным замыслом: человек в движении с луком в руках преследует лосиху. В композицию с антропоморфами-лучниками включены знаки символического испрашивания охотничьей удачи (три пятна/два пятна и вертикальная полоса). В таком случае визуальные тексты читаются не как сцены охоты на лосей (например, охота на лося/трехпалую лосиху с собаками [Там же, табл. 30/2, 50]), а иллюстрируют известные об-

ряды испрашивания у хозяйки скалы, матери/бабушки-Лосихи промысловой удачи. Этот же обряд запечатлен на рис. 1в: шагающий человек с луком находится перед трехпалой лосихой, а трехпалость в юкагирской культуре характеризует образ предка [Жукова, 2022].

4. В народной медицине одулов при лечении желтухи использовали «миниатюрный лук». Из лука стрелами с костяными наконечниками заболевший стрелял в двух щук, находившихся в двух берестяных коробичах с водой. При этом он приговаривал: «Вашу пеструю шкурку мне дайте, мою желтую шкуру себе возьмите. У вас глаза желтые, пусть и шкурка будет желтой». Убитых щук вместе с водой выливали в «импровизированную» яму и засыпали песком, «чтобы духи желтой болезни, перешедшие в щук, были зарыты землей» [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996: 43]. Под «миниатюрным луком» подразумевается макет небольших размеров. Применение лука и стрел с костяными наконечниками, заговор при изгнании духа являются отсылкой к обрядам древней магии, а засыпание песком «импровизированной» ямы с «духами» болезни относится к более позднему времени, когда юкагиры познакомились с грунтовыми захоронениями. Перед нами один из приемов борьбы с невидимыми духами-врагами без участия шамана.

Таковы известные обрядовые действия одулов с применением лука. Форма деревянной дугообразной основы предмета в отдельных случаях приобретала отрицательную коннотацию. Если человек обстрижет ноготь на пальце в виде дуги, то им как «луком» может воспользоваться злая сила и направить против самого человека. Поэтому обрезать ноготь надо по частям (сообщение В.Г. Шалугина, с. Нелемное). В поисках аналога обратимся к наскальным рисункам с антропоморфами, держащими луки дугообразных форм, в контексте информации В.Г. Шалугина они представляют образ врага (см. рис. 1д–ж). Различия в изобразительном абрисе артефактов (эллипсоидные – дугообразные) могут читаться как этнокультурные отличия. Так, два верхне-колымских юкагирских рода, кочевавшие по рр. Коркодон и Поповой, имели по-разному вырезанные задние концы лыж, обсуждение этого отличия привело к межродовой вражде [Иохельсон, 2005а, № 35]. Отличались по крою головные уборы разных групп коряков [История и

культура коряков, 1993: 45–46]. При более близком родстве изобразительные каноны могли сохраняться длительное время. Рассматривая тамги трех родовых групп баргузинских эвенков Иркутского уезда, Ю.Б. Симченко отметил: «разные люди, ставившие свои тамги, рисовали лук в одной манере», а изображения луков манси не изменились на протяжении XVII – конца XIX вв. [Симченко, 1976: 128–129]. Напрашивается вывод: абрис второго типа луков (с наконечниками стрел из металла) в петроглифах принадлежит привнесенной с юга традиции, не родственной аборигенной. По историческим данным, в средневековье юкагиры Южной и Центральной Якутии под натиском пришлых племен с железным вооружением откочевали в северном и северо-восточном направлениях. Этот факт косвенно объясняет, почему эллипсоидные абрисы луков с наскальных рисунков Центральной Якутии обнаруживаются в материалах колымских юкагиров.

V. Заключение. В прошлом в традиционной культуре лесных юкагиров лук и стрелы имели практическую значимость в годовом хозяйственном цикле и во время боевых стычек, были включены в обрядовую сферу и народную медицину. Луки разделялись на простые, простые усиленные, составные, ритуальные и детские; макетами обходились в семейной и медицинской магии.

Первоначально простые небольшие луки из одного куска дерева использовали для охоты и войны, на их древность указывает наскальное творчество (эллипсоидный абрис), применение в обрядах и обучающих играх детей. Появившиеся позднее простые усиленные и составные луки вытеснили аборигенные формы и в условиях повышенной ценности пушнины стали промысловыми, в то время как за маленькими и легкими осталась только боевая функция. Точно так же в начале XX в. у ваховских хантов были два типа луков: простой, употреблявшийся в сторожевых целях, и сложный [Симченко, 1976: 111]. В зале коренных народов Америки Музея антропологии и этнографии (Санкт-Петербург) экспонируются типы луков эскимосов, индейцев разных групп, в перспективе могущие стать источником сопоставительных работ. Ныне верхнеколымские одулы не имеют мастеров по изготовлению традиционных типов

луков, кроме детских в обучающих и соревновательных целях.

Сокращения:

ЯГОМИиКНС РС(Я) – Якутский Государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера Республики Саха (Якутия)

Список литературы:

Данилова А.А. Бытовая лексика юкагирского языка: материальная культура. Новосибирск: Наука, 2004. 88 с.

Жукова Л.Н. Лось в древнем и современном искусстве аборигенов Якутии (этнографический аспект) // Якутский архив. 2008. № 3. С. 97–102.

Жукова Л.Н. Декоративно-прикладное искусство лесных юкагиров. Альбом. Якутск: Якутский край, 2011. 24 с.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2. Мифологическая модель мира. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.

Жукова Л.Н. Трехпалые персонажи юкагирского фольклора в историко-этнографическом контексте // Материалы Всероссийской научной конференции «Эпические традиции народов Евразии: проблемы и перспективы исследования. К 100-летию якутского эпосоведа Н.В. Емельянова». Якутск, план издания 2022 г.

Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.

Иванова-Унарова З.И. Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX вв.). Кн. 1: Сибирская коллекция в музеях США. Якутск: Бичик, 2017. 783 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы [Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой]. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.

История и культура коряков [Под ред. А.И. Крушанова]. СПб.: Наука, 1993. 236 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 363 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 271 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 190 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Петроглифы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 311 с.

Спирidonов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Изд. 2. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.

Цыбенков Б.Д. Этнокультурные контакты дауров с другими этносами (по фольклорным материалам) // Актуальные проблемы изучения дописьменной истории Северной Евразии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию д.и.н. А.Н. Алексеева. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2021. С. 151–156.

Словари:

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 607 с.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). СПб.: Дрофа, 2002. 191 с.

Спирidonов Н.И. (Тэки Одулок). Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь. Якутск, 2003. 57 с.

References:

Danilova A.A. *Bytovaja leksika jukagirskogo jazyka: material'naja kul'tura* [Household vocabulary of the Yukagir Language: material culture]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 88 p. (In Russian)

Zhukova L.N. *Los' v drevnem i sovremennom iskusstve aborigenov Jakutii (etnograficheskij aspekt)* [Elk in the ancient and modern art of the aborigines of Yakutia (Ethnographic aspect)]. Yakutski arhiv [Yakut Archive]. 2008, № 3. P. 97–102. (In Russian)

Zhukova L.N. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo lesnyh Yukagirov. Al'бом* [Decorative and applied art of the forest Yukagirs. Album]. Yakutsk: Yakut Region, 2011. 24 p. (In Russian)

Zhukova L.N. *Oчерки po jukagirskoj kul'ture. Ch. 2. Mifologicheskaja model' mira* [Essays on Yukagir culture. Part 2. Mythological model of the world]. Novosibirsk: Science Publ., 2012. 360 p. (In Russian)

Zhukova L.N. *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Epicheskie tradicii narodov Evrazii: problemy i perspektivy issledovanija. K 100-letiju yakutskogo eposoveda N.V. Emel'janova". Trehpalye personazhi jukagirskogo fol'klora v istoriko-*

etnograficheskom kontekste [Materials of the All-Russian scientific conference "Epic traditions of the peoples of Eurasia: problems and prospects for research. Three-fingered characters of Yukagir folklore in the historical and ethnographic context]. Yakutsk: 2022. (In Russian)

Zhukova L.N., Nikolaeva I.A., Demina L.N. *Fol'klор Yukagirov verhnej Kolymy* [Folklore of the Upper Kolyma Yukagirs]. Yakutsk: Publ. Yakut Un-ty, 1989. Part 1. 161 p.; part 2. 89 p. (In Russian)

Ivanova-Unarova Z.I. *Material'naja i duhovnaja kul'tura narodov Jakutii v muzejah mira (XVII – nachalo XX vv.)* [Material and spiritual culture of the peoples of Yakutia in museums of the world (17th – early 20th centuries)]. *Kn. 1, Sibirskaja kollekcija v muzejah SShA*. [Book 1, Siberian collection in US museums] Yakutsk: Bichik Publ., 2017. 783 p. (In Russian)

Iohel'son V.I. *Materialy po izucheniju yukagirskogo jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Yukagir Language and folklore collected in the Kolyma District]. Yakutsk: Bichik Publ., 2005a. 270 p. (In Russian)

Iohel'son V.I. *Jukagiry i jukagirizirovannye tungusy* [Yukagirs and yukagirized Tunguses]. Translate from English by V.H. Ivanova i Z.I. Ivanovoj-Unarovoj. Novosibirsk: Science Publ., 2005b. 675 p. (In Russian)

Istorija i kul'tura korjakov [History and culture of the Koryaks]. Pod red. A.I. Krushanova. St. Petersburg: Science Publ., 1993. 236 p. (In Russian)

Kurilov G.N. *Jukagirsko-Russkii slovar'* [Yukagir-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 607 p. (In Russian)

Nikolaeva I.A., Shalugin V.G. *Slovar' Jukagirsko-Russkii i Russko-Jukagirskii (verhnekolymskij dialekt)* [Yukagir-Russian Dictionary and Russian-Yukagir (Verhnekolymsky dialect)]. St. Petersburg: Drofa Publ., 2002. 191 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Istorija Jakutskoj ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Moscow-Leningrad: Publ. Academy of Science USSR, 1955. 432 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaja V.D. *Petroglify Zabajkal'ja* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Part 2, Leningrad: Science Publ., 1970. 363 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaja V.D. *Petroglify Srednej Leny* [Petroglyphs of the Middle Lena]. Leningrad: Science Publ., 1972. 271 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanicы reki Olekmy i Verhnego Priamur'ja* [Petroglyphs of the Olekma River and the Upper Amur Region]. Novosibirsk: Science Publ., 1976. 190 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Petroglify bassejna reki Aldan* [Petroglyphs of the Aldan River basin]. Novosibirsk: Science Publ., 1979. 152 p. (In Russian)

Simchenko Ju.B. *Kul'tura ohotnikov na olenej Severnoj Evrazii* [Culture of deer hunters of Northern Eurasia]. Moscow: Science Publ., 1976. 311 p. (In Russian)

Spiridonov N.I. (Tjeki Odulok). *Oduly (Yukagiry) Kolymского округа* [(Teki Odulok). Oduls (Yukagirs) of the Kolyma District]. Publ. 2, Yakutsk: Severoved Publ., 1996. 80 p. (In Russian)

Spiridonov N.I. (Tjeki Odulok). *Yukagirsko-Russkii slovar'. Evensko-Russkii slovar'* [Yukagir-Russian Dictionary. The Even-Russian Dictionary]. Yakutsk, 2003. 57 p. (In Russian)

Cybenov B.D. *Etnokul'turnye kontakty daurov s*

drugimi jetnosami (po fol'klornym materialam) [Ethno-cultural contacts of Daurovs with other ethnos (according to folklore materials)]. *Aktual'nye problemy izuchenija dopis'mennoj istorii Severnoj Evrazii: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 75-letiju d.i.n. A.N. Alekseeva*. [Actual problems of studying the pre-literate history of Northern Eurasia: Collection of materials of the All-Russian Scientific conference with international participation, dedicated to the 75th Anniversary of Doctor of Historical Sciences. A.N. Alekseeva] Yakutsk: IHRISN SO RAN Publ., 2021. Pp. 151–156. (In Russian)

L.N. Zhukova

Ethnography of One Object: Yukagir Bow

Scientific novelty. The analysis of paleo-ethnographic and ethnographic data is carried out with the use of language and folklore materials about the use of one of the main attributes of the hunting culture – bows by the forest Yukagirs (Oduls) and their ancestors. The information about the use of bows in the ritual sphere is systematized, as well as magical properties, if the object was made by a woman. The spheres of modern demand are determined. *The aim and tasks.* The fishing, combat, ritual and children's bows are studied on the example of the peripheral ethno-ecological locus of the Yukagirs of the Upper Kolyma. The preservation of these artifacts in the material and spiritual culture is determined in the range of the early Yukagir time (Late Neolithic – Bronze Age) – traditional culture (17th – early 20th centuries) – modernity (late 20th – early 21st centuries). *Research methods.* The study was conducted in the diachronic and synchronous ranges. An integrated interdisciplinary approach was used to characterize the hunting economy of the indigenous population of Yakutia from antiquity to modern times. The fishing and war tools of the Yukagirs and their ancestors have been studied based on archaeological, historical, ethnographic, folklore and linguistic data, which made it possible to determine the proposed vector of adaptive changes in the studied chronological periods.

Results. An analysis of various data including museum sources showed that oduls and their ancestors in the past were well versed in the art of archers. Bows (eie) were divided into simple and compound, fishing and combat, ritual and children's. Simple bows made from a single piece of wood were the oldest, typical of the basic manufacturing principle for the hunting tribes of Western and Eastern Siberia. The materials of the 19th – early 20th centuries testify that simple bows, including reinforced ones, existed in the north of Eurasia among the Vakhovsky Khanty, Nganasans, Enets, Yukagirs, Chukchi, Evens, Yakuts and in the past among the ancient inhabitants of the coast of the Bering Sea. The antiquity of the simple eie among the Yukagirs is indicated by the use of its models in magical/ritual rites and educational games for children. Ritual practice reveals the previously unexplored significance of bows and arrows made by a woman. The tradition of creating life-size hunting and combat items and their use by the Yukagirs has now been lost.

Keywords: Northeast Siberia, Yukagirs, types of bows, history and evolution, hunting, ritual sphere